

— Я больше не хочу лечиться.

В абсолютной, звенящей тишине Шэнь Цзя вдруг произнёс это хриплым, едва слышным голосом.

Пальцы Чжоу Цзыфэя медленно разжались. Сжав плечи Шэнь Цзя, он развернул его к себе.

Перед ним было мертвенно-бледное, залитое слёзами лицо.

— Дай мне просто умереть, — тихо, почти ласково попросил Шэнь Цзя. На его губах промелькнула едва заметная, призрачная улыбка. Подняв руку, он кончиками пальцев смахнул капельки пота со лба Цзыфэя. — Хватит врачей. Я пожалел, что согласился.

— Малыш... — Голос Цзыфэя дрожал, он терял над собой контроль. Он бережно сжал в ладонях это исхудавшее лицо. — Я... я не совсем понимаю. Ты же шутишь, да?

— Милый, я не хочу больше жить, — глядя ему прямо в глаза, так же спокойно повторил Шэнь Цзя. — Оставь меня. Не нужно больше ничего делать.

Эта безмятежная улыбка и серьёзный, до жестокости сухой взгляд раскалённым клинком вонзились Цзыфэю прямо в грудь.

В горле оседала горечь, подступал удушливый ком, перехватывая дыхание. Цзыфэй не мог вымолвить ни слова.

Как... как Шэнь Цзя мог произнести такое? Как у него поднялся язык?

— Брат, не плачь, — прошептал Шэнь Цзя, снова назвав его этим ласковым словом.

Словно пытаясь задобрить, как в их самые интимные минуты, он обнял Цзыфэя за шею и прикоснулся губами к его кадыку. Легкое, точно перо, прикосновение отозвалось на коже леденящим холодом.

— Мы... мы пойдём к врачу, хорошо? — восторженно Цзыфэй от этого прикосновения. Он вцепился в запястья Шэнь Цзя, словно за последнюю соломинку, и с мольбой взгляделся в его лицо. — Поедем к доктору, и всё наладится. Обязательно наладится.

— Наладится... А дальше что? — Шэнь Цзя выпростал руки. В его глазах стояли слёзы, но губы всё так же печально изгибались. — А потом настанет день, когда у меня снова случится приступ. Я опять захочу свести счёты с жизнью... И в следующий раз, когда ты не будешь видеть, я просто шагну вниз.

Он произносил эти ужасающие, леденящие душу слова самым мягким и ровным тоном.

Руки Шэнь Цзя всё ещё лежали на плечах Цзыфэя, но душой он будто находился где-то бесконечно далеко — там, куда Цзыфэю никогда не добраться.

— Отпусти меня. Ты не обязан каждую секунду отвечать за мою жизнь.

На этот раз в нём не было ни капли истерики. Лишь беспросветная, выжигающая изнутри усталость и опустошённость.

Цзыфэй сжал его ладонь. Шэнь Цзя не стал вырываться, но и не ответил на пожатие.

Смотря на этого человека — столь бледного, что он, казалось, вот-вот растворится в полумраке комнаты, — Цзыфэй почувствовал, как в груди закипает глухая, отчаянная ярость, смешанная с дикой обидой и бессилием.

Ведь он столько раз повторял, что никогда его не бросит! Он отдал ему всю свою любовь, всю заботу... Почему Шэнь Цзя каждый раз пропускает это мимо ушей, будто не замечает? Сколько ещё нужно сделать, чтобы он наконец поверил: у них есть будущее?

Глубоко вдохнув, Цзыфэй подавил подступающие слёзы и подхватил Шэнь Цзя за талию, пытаясь усадить.

— Я понял. Давай отложим этот разговор. Завтра пойдём к врачу, а там видно будет.

Шэнь Цзя медленно качнул головой. Осторожно сняв руки Цзыфэя со своих плеч, он проговорил с тихой беспомощностью:

— Цзыфэй, давай на этом закончим. Не нужно тебе быть с кем-то вроде меня. Я правда бескрайне благодарен за то, что ты появился в моей жизни, за то счастье и радость, что ты мне подарил. Благодаря тебе я впервые узнал, каково это — когда тебя любят так, что можно ни о чём не переживать. Но я не должен тянуть тебя на дно. Посмотри на себя: ты не только возишься со мной, но теперь ещё и ввязался в мои семейные дразги... Из-за меня ты сам на себя стал не похож.

Голос Шэнь Цзя сорвался на шепот, полный разъедающей вины.

— Как ты можешь говорить про обузу? Малыш, ты никогда не был и не будешь для меня обузой...

В который раз Цзыфэй пытался вдолбить ему одни и те же слова, но Шэнь Цзя лишь слабо улынулся, будто ему было всё равно.

На самом же деле каждый вдох, каждое произнесённое слово давались Шэнь Цзя с невероятным трудом, забирая последние силы. Но на этот раз он хотел попрощаться по-настоящему. Он изо всех сил делал вид, будто спокоен, пытаясь скрыть от любимого человека рушащийся внутри мир.

— Прости... Прости меня, сокровище, — Цзыфэй больше не мог сдерживаться. Обняв Шэнь Цзя, он принялся судорожно целовать его похолодевшие щёки. — Я не должен был отвечать на тот звонок, не должен был скрывать, что она искала тебя... Прости меня, пожалуйста...

Возможно, в глубине души Цзыфэй уже понял: Шэнь Цзя говорил не на ветер. За этой тихой улыбкой скрывалось твёрдое решение уйти.

— Не проси прощения... Ты ни в чём не виноват. Я знаю, ты просто переживал за меня, — Шэнь Цзя медленно провел руками по взмокшей спине Цзыфэя, задерживаясь на его широких, крепких плечах, и с нежностью прижался щекой к его груди.

Сильное, ровное биение сердца, тепло этого тела — всё это было ему бесконечно дорого, от всего этого разрывалась душа, но прощаться всё равно приходилось.

— Ты здесь ни при чём. Если кто и виноват... то только я.

На самом деле в тупик Шэнь Цзя загнала внезапно открывшаяся истина: Чжоу Цзыфэй изо всех сил пытался «разгрести» то грязное, изгаженное прошлое, из которого Шэнь Цзя был скроен.

Цзыфэй постоянно повторял, что он мягкий, добрый, храбрый... Но сам Шэнь Цзя отлично знал: за этой так называемой «добротой» скрывались лишь трусость, излишняя мнительность и уродливые, искажённые побеги, выросшие из долгих лет насилия и предательства. Всё это произрастало из самой гнилой почвы, какая только бывает в жизни.

Цзыфэй любил его. Но способна ли эта любовь принять его вместе с той грязной землёй, что дала ему жизнь?

Теперь он получил ответ.

Когда Цзыфэй ринулся отсекать любые упоминания о Лу Хэ, Шэнь Цзя будто услышал незримый приговор:

«Шэнь Цзя, твоё прошлое настолько отвратительно, что даже человек, которому ты веришь больше всех, стремится как можно скорее вырезать его из твоей жизни».

Но ведь это прошлое — тоже он. Часть его сути, которую он сам мечтал отбросить день и ночь, но которая уже давно въелась в кровь и плоть, став неотделимой.

Чего он вообще хотел от Цзыфэя? Шэнь Цзя и сам не мог сказать.

Наверное, это была просто глупая, несбыточная надежда. Надежда на то, что тот поймёт: даже если разорвать все нити с Лу Хэ, Шэнь Цзя не станет вдруг «нормальным» и здоровым.

И самое невыносимое заключалось в том, что когда Цзыфэй попытался перечеркнуть истоки этой его «неполноценности», Шэнь Цзя почувствовал: вместе с ними перечеркнули и его самого.

Впрочем, винить Цзыфэя нельзя. Это его собственные постоянные срывы лишили Цзыфэя покоя, заставив того убирать любые раздражители и идти на обман.

В конечном счёте виноват был только он сам.

«Видимо, мне просто не суждено удержать это неожиданное счастье», — подумал Шэнь Цзя.

Цзыфэй сжал в объятиях это хрупкое тело. Раздался сухой звук — Цзыфэй сначала подумал, что переламывает ему рёбра, и лишь секундой позже понял, что это сцеплены его собственные зубы.

Шэнь Цзя молча терпел эту удушающую хватку, точно сорняк, который вот-вот вырвут с корнем из земли, бессильно цепляясь за его высокую, крепкую фигуру.

Да к чёрту всё это! К чёрту терпимость к чужим психозам и «понимание состояния больного»!

Цзыфэй рывком оттолкнул его. Хватит во всём ему потакать! Хватит разыгрывать из себя молчаливую, заботливую сиделку!

Шэнь Цзя просто напрашивается. Напрашивается на хорошую взбучку! Сам же твердил, что во всём виноват? Говорил, что готов принять всю вину на себя?

Что ж, Цзыфэй устроит ему заслуженное наказание!

— Шэнь Цзя, ты помнишь, что я тебе говорил в прошлый раз?

С громким стуком Цзыфэй ногой захлопнул дверь на балкон, включил на максимум отопление в гостиной и застыл перед диваном с абсолютно каменным лицом.

Шэнь Цзя, отброшенный на подушки, в растерянности снизу вверх смотрел на него.

Цзыфэй сдёрнул через голову футболку, наклонился, сгреб его за лодыжки и рывком потянул на себя.

— Ещё хоть раз заикнёшься о смерти — я тебя трахну так, что задыхаться будешь.

За что Цзыфэй так ненавидел его в эту минуту?

Казалось, он намеревался разжевать его, перемолоть и проглотить без остатка. Хватка Цзыфэя была мёртвой, он не оставлял ни единого глотка воздуха, сжав запястья Шэнь Цзя и легко подавляя любые попытки вырваться.

— По... полегче...

Острая боль пронзила тело. Шэнь Цзя вцепился в волосы Цзыфэя, пытаясь заставить его отстраниться, но тот молчал. Лишь кадык на его шее судорожно дернулся, а пальцы впились ещё глубже, жёстче.

— Не надо... больше не могу... остановись—

Голос Шэнь Цзя сорвался. Зрачки сначала сузились до предела, а затем взгляд окончательно помутился. Цзыфэй приподнял голову, тяжело дыша, вытер губы и сиплым голосом бросил:

— И это человек, который не хочет жить? По-моему, для покойника ты слишком резко реагируешь.

— Откуда в тебе столько?..

Пересохшее горло горело — Шэнь Цзя с самого вечера не выпил ни капли, и сил на разговор не оставалось вовсе. Заметив, насколько сухи его губы, Цзыфэй ладонью обхватил взмокшую шею Шэнь Цзя и приподнял его.

— Пить хочешь?

Шэнь Цзя тихо всхлипнул и кивнул. Но в следующее мгновение Цзыфэй провел пальцем по его губам, заставив ощутить солоноватый вкус.

— Всё равно от моей нежности ты только нервничаешь, — прошептал Цзыфэй ему прямо в ухо. — Может, стоит каждый день выжимать тебя досуха, чтобы в голове не оставалось дурных мыслей? Что скажешь, если даже воду тебе придется получать только так?

Дыхание Шэнь Цзя перехватило. Он судорожно сжал руку Цзыфэя, губы задрожали.

Цзыфэй пристально вглядывался в его лицо несколько секунд, после чего тянулся к стакану на столе, набрал в рот воды, согрел её и медленно перелил в рот Шэнь Цзя через поцелуй.

Измученный жаждой, Шэнь Цзя сам прильнул к нему, жадно сглатывая каждую каплю.

— Хорошо... — уткнувшись в шею Цзыфэя, еле слышно пробормотал он. — Запри меня... Запри в любом углу, просто заходи иногда проводить...

Лицо Цзыфэя мгновенно потемнело.

Сжав его подбородок, он сурово переспросил:

— Ты же расстаться хотел? Расстался — и мечтаешь остаться запертым в квартире бывшего?

Кожа на подбородке тут же покраснела. Шэнь Цзя положил пальцы на тыльную сторону ладони Цзыфэя и едва слышно шепнул:

— Я не стану мешать твоей новой жизни. Относись ко мне как к предмету мебели. Делай со мной всё, что захочешь.

Эта глубокая, вьевавшаяся в кости самоотверженная ничтожность разожгла в Цзыфэе ещё больший пожар ярости. Он с силой прижал Шэнь Цзя к подушкам, провел ладонью по его талии и жестко сжал плоть.

— Всё, что захочу, значит... Отлично, Шэнь Цзя. Нравится так играть?

Цзыфэй перекинул ногу, грубо сбросил слабую руку Шэнь Цзя, пытавшуюся оттолкнуть его, и с усилием навалился сверху.

— Тогда держись. Раз уж решил стать мебелью — смотри не развалишься по дороге.

Шэнь Цзя не мог вынести этой тяжести: поясница прогибалась, тело дрожало над бездной, будто он вот-вот сорвётся вниз. И всё же он упорно кусал губы, отказываясь обнять Цзыфэя. Пальцы впились в ткань дивана так, что побелели костяшки, а влажные волосы разметались по спине, при каждом движении больно натягиваясь и отзываясь жжением в коже головы.

— Я... я больше не могу... Цзыфэй, Цзыфэй...

В мокрых от слёз глазах застыла мольба. Шэнь Цзя наконец протянул к нему дрожащие руки. Цзыфэй рывком подхватил его, практически бросая на спинку дивана, и продолжил с новой силой.

Шэнь Цзя уткнулся лицом в собственное запястье, отвернувшись. Слезы непрерывно текли по щекам, оставляя темные пятна на светлой обивке.

Под утро Цзыфэй поднял с дивана абсолютно истощённого, погрузившегося в забытие Шэнь Цзя.

Пока Цзыфэй смывал следы с его истерзанного тела, Шэнь Цзя не шевелился. Лишь когда горячее полотенце коснулось самых чувствительных мест, он что-то смутно забормотал и попытался отстраниться.

— Всё, малыш, больше не буду. Спи...

Коснувшись губами его влажных ресниц, Цзыфэй тихо убаюкивал его. Шэнь Цзя уткнулся носом в его тёплую грудь и снова крепко заснул.

Уложив его в постель, Цзыфэй всё же отправил сообщение доктору Шэнь, договорившись о приёме на завтра.

В последнее время Шэнь Цзя чувствовал себя куда лучше: нормально ел, регулярно спал. Казалось, жизнь налаживается, и Цзыфэй уже начал оптимистично верить, что поправка не за горами.

Но сегодняшняя вспышка обухом ударила по голове. В душу Цзыфэя снова закралось отчаяние. В какой-то момент он даже поймал себя на страшной мысли: а может ли Шэнь Цзя вообще поправиться? Есть ли смысл во всём, что они делают?

Может, ну их, этих врачей? Просто запереть его дома, ограничить от всего мира и никому не отдавать...

Тихое дыхание Шэнь Цзя касалось его кожи. Цзыфэй повернулся на бок и стал всматриваться в родные черты.

Тонкие брови, изящный разрез глаз, аккуратная спинка носа — милое, невероятно мягкое лицо, на котором обычно играла тёплая улыбка, а на правой щеке проступала крошечная ямочка.

Этот человек, это лицо... Сейчас они вызывали в нём смесь безумной любви и жгучей боли.

И всё же больше всего на свете он хотел, чтобы Шэнь Цзя был здоров и счастлив.

Цзыфэй убрал прядь волос с его лба, наклонился и прижался губами к переносице — туда, где морщинка разглаживалась только во сне.

«Поправляйся скорей. Пожалуйста, снова улыбнись».

На следующий день, когда Цзыфэй повез его к врачу, Шэнь Цзя не стал протестовать. Он безропотно оделся, повязал шарф и покорно пошёл к машине. Но за секунду до того, как они должны были выйти на парковке больницы, он окликнул Цзыфэя:

— Если доктор скажет, что мне стало хуже... брось меня. Уходи и больше никогда не возвращайся, хорошо?

Шэнь Цзя внимательно разглядывал его. Цзыфэй сегодня выглядел совсем запущенным: небритый, со всклокоченными волосами и смятым воротником.

— Цзыфэй... — Шэнь Цзя протянул руку, бережно расправил воротник его куртки, а затем пальцами причесал жестковатые рыжие волосы. — Я честно пытался. И я знаю, что ты тоже сделал всё, что мог.

Он говорил это тихо, с сочувствием и безнадёгой — словно неизлечимо больной, который уговаривает родных прекратить мучительное лечение.

Цзыфэй на миг замер. Он сжал его запястье, но тут же бессильно отпустил.

— Поговорим об этом позже.

Словно спасаясь бегством, он выскочил из машины. Шэнь Цзя вздохнул и вышел следом.

Доктор Шэнь уже ждала их в кабинете. Мягко улыбнувшись, она попросила Шэнь Цзя обождать снаружи и предложила Цзыфэю сначала поговорить наедине.

Сев напротив врача, Цзыфэй начал глухо рассказывать о том, что произошло накануне.

— Я не понимаю, почему он это сказал. Не понимаю, чего он от меня ждёт... — Он зарылся пальцами в волосы и с раздражением взъерошил их. На его лице отражалась глубокая, разъедающая усталость. — Это всё моя вина. Я же знал, в каком он состоянии, и всё равно оставил его одного. Да ещё и дал услышать... мой разговор с его матерью.

Он повторял эту фразу уже в третий раз, будто снова и снова наступал на одну и ту же острую

иглу. Доктор Шэнь молча и терпеливо слушала.

— Доктор Шэнь, каждый раз, когда он говорит, что не хочет жить... я... я чувствую такую ярость. И такое бессилие. Что ещё мне сделать? Как мне вернуть его к жизни? Я...

Голос Цзыфэя прервался, горло сжал судорожный ком.

Он до сих пор верил, что срыв Шэнь Цзя произошёл исключительно из-за его недосмотра. Если бы он сбросил звонок Лу Хэ, если бы сидел в комнате, если бы разобрался с этим дерьмом раньше... Неужели тогда болезнь Шэнь Цзя не обострилась бы снова?

— Господин Чжоу, на самом деле всё далеко не так ужасно, как вам кажется.

Доктор Шэнь поставила стеклянный стакан на столик. Тихое звяканье заставило Цзыфэя поднять голову.

Врач сочувственно посмотрела на молодого человека. По сравнению с прошлым визитом он заметно осунулся: на подбородке темнела щетина, а белки глаз налились тонкой сеткой кровавых прожилок.

— В прошлый раз я уже говорила вам: такие душевные травмы не лечатся за один день. Это как приливы и отливы. Болезнь Шэнь Цзя нельзя исцелить одними лишь лекарствами или постоянным присутствием рядом. Главная проблема кроется внутри него самого. Прошрое сформировало у него катастрофически низкую самооценку и сильнейшую склонность к саморазрушению.

— Я знаю, — глухо отозвался Цзыфэй. — Я слежу за этим. Убрал из дома все острые предметы, постоянно проверяю, нет ли у него порезов или синяков... Он почти никогда не причиняет себе вреда наяву. По крайней мере, до вчерашнего дня. Я думал... я думал, ему лучше.

Доктор Шэнь печально покачала головой:

— Господин Чжоу, саморазрушение — это не только порезы на коже. Очень часто оно проявляется совершенно незаметно — через каждый выбор, который человек делает в жизни. Понимая, как поступить правильно, он всё равно подсознательно выбирает то, что навредит ему, и ухудшает ситуацию. И делает он это не от глупости, а потому что искренне убеждён: он заслуживает только худшего. Так он подсознательно подкрепляет свою внутреннюю установку: «Я не достоин счастья».

Она посмотрела ему прямо в глаза и добавила:

— Поэтому одной лишь вашей гиперопекой и осторожностью проблему не решить. Пока Шэнь Цзя сам не поверит, что имеет право на нормальную, здоровую жизнь, чуда не произойдёт.

Дорога домой прошла в полном молчании. Цзыфэй просто держал озябшую ладонь Шэнь Цзя в своей, согревая её на своём колене.

Очутившись в квартире, Цзыфэй заговорил прежним, мягким тоном:

— Иди смой с себя всё и переоденься во что-нибудь удобное.

Шэнь Цзя погрузился в горячую воду. Пар поднимался к потолку, ласковые струи обволакивали уставшее тело, постепенно снимая изнуряющее напряжение.

Откинув голову на бортик ванны, он смотрел в потолок. Наконец-то с лица сошла искусственная улыбка, оставив лишь прозрачную, чистую пустоту.

И только сейчас, в этой тишине, слова доктора Шэнь пробились сквозь его внутреннюю броню:

«Шэнь Цзя, наша с тобой задача — научиться жить в мире с тем собой, у которого внутри остались шрамы. Нам нужно помочь тому мальчику, убеждённому, будто он достоин лишь страданий, поверить, что он имеет право на тепло и безопасность. Что касается господина Чжоу... Ему тоже нужно время. Ему предстоит научиться любить человека с израненной душой. Какое бы решение ты ни принял, я его уважу. Но запомни: когда боль становится невыносимой, желание уйти — вполне естественно. В этом нет твоей вины, и это не слабость. Давай попробуем ещё раз — ты, я и господин Чжоу. Хорошо?»

«Попробовать ещё раз...»

Шэнь Цзя опустил взгляд на свою левую руку, которую Цзыфэй только что выпустил.

Больше всего на свете он любил, когда Цзыфэй переплетал с ним пальцы. Его хватка всегда была уверенной и надёжной, а исходящее от ладони тепло дарило ощущение абсолютной безопасности.

Он подумал: если до того, как его жизненный путь окончательно завершится, эта рука поддержит его ещё хоть немного, если эти объятия повторятся хотя бы пару раз... пожалуй, только ради этого стоит попытаться прожить ещё немного.

Когда Шэнь Цзя с влажными волосами вышел из ванной, Цзыфэй уже расстелил постель.

— Почему опять не высушил? — Цзыфэй подошёл к нему с привычной ласковой укоризной.

Гудение фена наполнило комнату мягким шумом и вскоре утихло.

Отложив фен, Цзыфэй бережно провел пальцами по его мягким прядям и тихо спросил:

— Сокровище, давай приляжем?

Шэнь Цзя молча кивнул.

Они легли. Цзыфэй обнял его сзади, прижав свою широкую грудь к его узкой, хрупкой спине.

В комнате горел только ночник, отбрасывая на стены тёплый янтарный свет. В полной тишине Цзыфэй наклонился к его уху и едва слышно прошептал:

— Прости меня. Вчера я поступил неправильно. Я выбрал худший способ позаботиться о тебе. Но я вовсе не хотел перечеркнуть твоё прошлое или пожалеть тебя из жалости. Я просто... я безумно испугался. Испугался, что они снова причинят тебе боль.

Глаза Шэнь Цзя мгновенно застлали слёзы.

— Доктор Шэнь сказала, ты мог подумать, будто я презираю то, откуда ты родом, — Цзыфэй крепче сжал его в объятиях. — Это не так. Шэнь Цзя, я принимаю тебя целиком. И со шрамами, и без них. Каким бы ты ни был — я принимаю тебя любого.

Шэнь Цзя слышал эти слова уже не раз. Но каждый раз они были нужны ему как воздух.

<http://bllate.org/book/19971/1986045>